

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ ТРАГЕДИИ «ХМЕЛЬНИЦКИЙ»

Статья А. Г. Цейтлина

11 октября 1943 г. «Правда» писала о Богдане Хмельницком: «Разрешению двух основных задач посвятил Богдан Хмельницкий свою жизнь: освобождению Украины от чужеземного ига и объединению Украины с Россией. Достижения этой цели он добивался со всей силой своей могучей воли, своей неистощимой энергии. На службу своей великой идее он поставил свой блестящий талант организатора, выдающиеся качества полководца и военачальника, свое искусство замечательного дипломата».

Писатели-декабристы, всегда относившиеся с горячим сочувствием к борьбе поработенных народов за свое национальное освобождение, неоднократно изображали Хмельницкого в своих художественных произведениях. Ф. Н. Глинка написал о нем роман «Зиновий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия» (1819). Идеиная концепция Ф. Н. Глинки была раскрыта уже в первых строках этого романа: «Взошло прекрасное весеннее солнце и осветило грозные стены и прелестные окрестности Чигирина. Весело пробуждались гордые литовцы, но с прискорбием взирали на свет дневной сыны Малороссии: первые господствовали, другие стонали под игом рабства». Декабрист Ф. Н. Глинка восторженно рассказывал о юном Хмельницком, о его стремлении к подвигам — герой, выдвинутый народом, Хмельницкий пользуется безграничным доверием восставших украинцев: «Является герой, вдохновенный небом, подкрепляемый счастьем. Он велит — и тысячи малороссийские повинуются ему...»¹

Вслед за романом Ф. Н. Глинки, написанным в духе революционного романтизма начала XIX в., созданы были стихотворные произведения о Хмельницком. Такова, в первую очередь, историческая дума Рылеева «Богдан Хмельницкий», напечатанная 1 марта 1822 г. в газете А. Ф. Воейкова «Русский инвалид». Связь этой думы с историческим романом Ф. Н. Глинки проявилась даже в языке, не говоря уже об их общей идейной концепции².

В начале 1825 г. дума Рылеева «Богдан Хмельницкий» была перепечатана в сборнике «Думы». Однако образ славного украинского гетмана продолжал занимать Рылеева. «Очень рад, — писал он Пушкину 12 февраля 1825 г., — что Войнаровский понравился тебе. В этом же роде я начал Наливайку и составляю план для Хмельницкого. Последнего хочу сделать в 6 песнях: иначе не все выскажешь»³. В поэме о Богдане Хмельницком Рылеев намерен был еще раз прославить героиню украинского освободительного движения во имя пропаганды декабристских идей. Широкое полотно поэмы «в шести песнях» давало Рылееву возможность на материале прошлого высказываться о политической борьбе его времени.

Эпоху Богдана Хмельницкого Рылеев изучал по тем же историческим источникам, какие уже помогли ему в работе над поэмой «Наливайко». Больше всего материала Рылеев почерпнул из «Истории Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского (1822). К этому трехтомному труду присоединилась рукописная «История руссов или Малой России» (которую долго приписывали Георгию Конисскому; в настоящее время некоторые исследователи называют ее автором Г. А. Полетику⁴). «История руссов» была напечатана лишь в 1846 г., однако она еще в двадцатые годы ходила по рукам в многочисленных списках. В октябре 1825 г. Рылеев получил выписки из этой рукописи от декабриста А. Ф. Бриггена⁵.

О содержании этих выписок мы можем лишь догадываться. Может быть, это был отрывок из речи Богдана Хмельницкого. «Мы подняли оружие не для корысти какой или пустого тщеславия,— говорил Хмельницкий,— а единственно на оборону отечества нашего, жизни нашей и жизни чад наших»⁶.

Изучение черновых автографов Рылеева, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве в Москве, показывает, что поэма о Хмельницком писалась одновременно с «Наливайко» и «Палеем». Отдельные эпизоды переносились поэтом из повествования в повествование от «Наливайко» к «Хмельницкому»:

Веет, веет, повеваает
Тихий ветер с днепровских вод,
Войско храбрых выступает
С шумной радостью в поход <...>
[Лишь один всеведец знает,
Что Хмельницкий замышляет...]

В этом отрывке, впервые публикуемом выше (стр. 26—28), Хмельницкий выступает как вождь казачьего войска:

Гетман степию широкой,
От полков на скакуне,
В мрачной думе, одинокой,
Тихо едет на коне.

Образ Хмельницкого сменяется образом другого гетмана:

Все Наливайку веселило,
Все добрым предвещаньем было.

В третьем отрывке того же рылеевского автографа фигурирует имя третьего гетмана Украины:

Уже дружины казаков
Слабели в битве рукопашной...
Вдруг на татар, как гихорь страшный,
Как ливный дождь из облаков,
Ударил с воплем Сайгадашный
С дружиной буйных удальцов.

Таким образом, Рылеев начал писать о казачьем походе, сам еще не зная точно, кого из трех украинских гетманов изобразит он стоящим во главе похода: Наливайко (конец XVI в.), Сагайдачного (начало XVII в.) или Хмельницкого (середина XVII в.). Для поэта это было и не очень важно: все три фигуры в несколько абстрактном, романтизированном изображении оказались бы, конечно, похожими одна на другую.

Работа Рылеева над поэмой о Хмельницком развивалась медленно. Что мешало ему создавать это произведение, мы не знаем. Можно думать, что замыслы «Наливайко» и «Палея» мешали замыслу третьей по счету поэмы. Уже в «Наливайко» и «Палее» вполне раскрылся и вольнолюбивый пафос Рылеева, и его горячее сочувствие национально-освободительной борьбе украинского народа. Более чем примечателен тот факт, что в архиве поэта не сохранилось ни одного литературного наброска, который имел бы прямое отношение к «Хмельницкому».

Примерно к лету 1825 г. замысел «Хмельницкого» претерпел существенные изменения: вместо поэмы Рылеев решил писать трагедию. Драматическая форма давала ему возможность полнее раскрыть политические

страсти, столкнуть между собой сильные характеры, изобразить историю Украины на самом бурном этапе ее национально-освободительной борьбы.

Осенью 1825 г. Рылеев уже начал работать над трагедией. Ф. Н. Глинка показал 15 февраля 1826 г. на следствии: «Рылеев был болен сильною опухолью в горле и ни о чем не говорил со мною, как только о разных предначертаниях его *поэм*, также о трагедии „Богдан Хмельницкий“, которую начал писать, и намеревался объехать разные места Малороссии, где действовал сей гетман, чтоб дать историческую правдоподобность своему сочинению»⁷.

Это свидетельство Ф. Н. Глинки относилось к последнему месяцу жизни Рылеева на свободе, точнее к концу ноября — началу декабря 1825 г. Оно интересно тем, что указывает на новые методы творческого труда, к которым Рылеев намеревался прибегнуть. В пору работы над думой «Богдан Хмельницкий», в которой не было и малой доли «местного колорита», Рылееву, конечно, незачем было «объезжать разные места Малороссии»⁸. Теперь же поездка в места, «где действовал сей гетман», оказалась для Рылеева необходимой, так как он собирался придать своей трагедии «историческую правдоподобность». Можно не сомневаться, что поездку на Украину Рылеев использовал бы для укрепления связи между двумя тайными обществами.

Второе, еще более важное и до сих пор не опубликованное свидетельство о «Хмельницком» принадлежит В. И. Штейнгелю. В его показании Следственной комиссии от 9 февраля 1826 г. говорится: «Около половины уже ноября, не прежде, будучи приглашен Рылевым к меньшому Ростовцеву на чтение отрывка из сочиненной им трагедии „Пожарский“, изготовленного для помещения в „Полярную звезду“, я увидел тут в первый раз князя Оболенского и познакомился с ним. Впрочем, кроме упомянутого отрывка и прочитанного потом Рылевым пролога к его трагедии „Хмельницкий“, другого предмета разговора не было...».

Это показание В. И. Штейнгеля драгоценно. Из него явствует, что к середине ноября 1825 г. Рылеев уже написал пролог к новой трагедии. Глинка и Штейнгель не противоречат друг другу, их показания взаимно дополняют одно другое.

Что же мог читать Рылеев на вечере у «меньшого Ростовцева»? Ответить на этот вопрос нам позволяет впервые публикуемый здесь отрывок из драматического сочинения Рылеева¹⁰. Есть все основания считать этот отрывок прологом к трагедии о Хмельницком: других драматических замыслов Рылеева мы не знаем, а содержание данного отрывка явным образом относится к эпохе Хмельницкого. Отрывок начинается словом «Пролог»; повидимому, именно его Штейнгель и слышал в середине ноября 1825 г. из уст Рылеева.

Действие «Пролога» происходит на площади в Чигирине. Польский шляхтич Чаплицкий всеми средствами стремится получить с бедных украинских крестьян подати. Нока они не заплатят их, все православные храмы в городе будут закрыты и никаких церковных треб в них не будет совершаться. Действие «Пролога» начинается с того, что возмущенные крестьяне просят арендатора, выполняющего приказ Чаплицкого:

Ю р к о

<...> дай ключи от церкви;
 Лишь только хлеб сберем с своих полей,
 Церковную мы подать всю внесем.
 Теперь, ты знаешь сам, мы обнищали:
 Кто лошадь, кто овцу, а кто пожитки
 Последние из бедной хаты продал,

Чтоб только чинш Чаплицкому отдать.
 Вот уж прошло шесть воскресений сряду,
 Как в церковь нас ты не велел пускать;
 Священникам в парафиях * окрестных
 Ты отправлять все требы запретил:
 Недели три, как бог послал мне сына;
 Отец Карпо его крестить не смеет...

Н а ч ы п о р

Мой сын уж целый год Настусю любит,
 Ты обвенчать не позволяешь их.

С в ы р ы д

А у меня мать при смерти лежит
 И третий день всё исповеди просит <...>

Н а с т у с я

Будь ласков к нам...

Г р ы ц ь к о

Позволь нас обвенчать.

С в ы р ы д

Позволь отцу Карпу на хутор съездить;
 Божусь, внесем мы подать всю сполна.

Алчный арендатор, стремящийся нажиться на крестьянском горе, цинично заявляет:

Мне не слова, мне гроши ваши нужны.

Все крестьянское имущество «давно в закладе... иль отнято на пана подстарбсту». Но арендатор неумолим; крестьяне должны внести подать:

Ну, так займи... ведь твой сосед, Пылып,
 Недавно в дом из Сечи воротился.
 Я слышал, много он добычи разной
 Привез с собой — и в клуне закопал.
 Он даст тебе взаймы; он должен дать:
 В нужде должно друг другу помогать;
 А если он не даст, так ты...

«Так что?» — спрашивает арендатора возмущенный Свырыд. Тот издевательски отвечает Свырыду:

Ну, что?... ты разве глух и не слышал,
 Что он зарыл свою добычу в клуне...

Возмущенные казаки хотят расправиться с арендатором; тот вызывает на помощь польского офицера, по приказу которого Свырыда связывают и уводят.

С о т н и к

Что ж стали вы? связать его, скорей.

* П а р а ф и я х — приходах. — *Ред.*

Экновіи Богданъ Хмельницкі
Гетманъ Войска Запорожскаго
и обоиохъ сторонъ Днѣпра.

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

С портрета маслом неизвестного художника XVII в.
Исторический музей, Москва

〈С в ы р ы д〉

Не смейте! прочь! Он лях; я ваш земляк;
 Сегодня свяжете меня, а завтра
 Кого-нибудь из вас другие свяжут;
 Пора узнать, что лях над казаками
 Тиранствует посредством казаков же.

Жена арендатора уговаривает мужа бежать из Чигирина; ее пугает ненависть казаков. Тот отказывается бросить место, дающее ему значительные доходы. Оставшиеся на площади украинцы с негодованием говорят о гнете польских панов:

1-й малороссиянин

Ушли... Ну, вот, еще один погиб.
 Эх, брат Юрко, прогневали мы бога,
 Всем на Руси пришельцы завладели,
 В своей земле житья мы не находим.*
 Нет больше сил терпеть. Бегу отсель,
 Бегу за Днепр к удалым запорожцам,
 Чтоб притушить об кости дерзких ляхов
 От деда мне доставшуюся саблю.
 Прощай.

Г р ы ц ь к о

И я с тобой; благослови
 Меня, отец; прощай, не плачь, Настуся.

Ю р к о

За Днепр... и я б туда, когда б не дети...
 Чего, чего не вытерпели мы
 За то, что не хотим на униатство
 Переменить мы православной веры.
 Все отнято у нас: права, уряды,
 Имения и даже церкви наши ограблены <...>

2-й малороссиянин

Уж, видно, так создателю угодно...

Ю р к о

Нет, нет; поверь, создатель зла не хочет;
 Не он, не он виною бед Украины,
 Но мы с своим терпением воловьим.
 Нет головы, нет гетмана у нас.

* Далее зачеркнуто:

а) За то, что не хотим на униатство
 Переменить мы веры православной,
 И погубить свои навечно души;

б) Ю р к о

Уж видно так создателю угодно.
 Прав стародавних нас лишили.
 Чего, чего не вытерпели мы
 За то, что не хотим на униатство
 Переменить мы православной веры.
 Нет силы жить...

Когда был жив наш гетман Сагайдашный,
И крымцам мы, и ляхам были страшны.*
Теперь же все пошло у нас вверх дном...
И весь народ стал польским ясырем.

2-й малороссиянин

Опять католики без страха стали
Нас в унию насильно обращать,
И православную святую веру
Холопскою в глаза нам называть.

В 1596 г. на правобережной Украине польской шляхтой была введена так называемая «уния», навязавшая украинскому народу чуждые и ненавидимые ему обряды католической церкви. Вот что Рылеев мог прочесть в «Истории Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского о последствиях введения унии на Украине: «Униаты насильно присвоивали себе знатнейшие монастыри и приходские церкви, прочие разоряли, запечатывали; ловили, мучили священников; разгоняли народ <...> Войска польские под предводительством коронного гетмана вступили в Малороссию»¹¹.

Польская шляхта завладела лучшими землями на правобережной Украине и начала осуществлять жесточайшую эксплуатацию украинских крестьян.

По некоторым намекам и указаниям, содержащимся в рылеевском «Прологе», мы можем установить, в какие годы происходило действие трагедии. Слова Юрко:

Нет головы, нет гетмана у нас.
Когда был жив наш гетман Сагайдашный,
И крымцам мы, и ляхам были страшны —

дают основание отнести действие «Пролога» к тридцатым годам XVII в. Слова жены арендатора «Придет опять Тарасовская ночь» дают нам основание точнее установить время, о котором идет речь. Как указывал автор «Истории Малой России», «битва переяславская, названная казаками „Тарасовской ночью“, открыла им путь к новым торжествам. Значительная часть Малороссии была очищена от поляков; более всех пострадали арендаторы тамошние».

«Битва переяславская» произошла в 1628 г. и, стало быть, действие, изображенное в «Прологе», относится к последующему времени. То, что на помощь откупщику приходит «пан сотник», еще более уточняет дату действия «Пролога», поскольку польские войска введены были в Чигирин в 1632 г.

Вся совокупность намеков и указаний позволяет датировать происходящее в «Прологе» действие концом тридцатых годов XVII в. Будущий

* Далее зачеркнуто:

Никто тогда нас оскорблять не смел...
Насильств и дерзостей
И увиата наглостей от...

Утихло все, и лях, и уния дремала
И в унию из православной веры
Насильно нас не смели обращать.
Лишь умер он, опять
Тогда же все реестровые войска
Коронному гетману подчинились
<1 слово нрзб.> именья разобрали

герой ее в ту пору еще находился в своем поместье Субботове, по соседству с имением подстаросты Данилы Чаплицкого. Распря их произойдет восемьдесятю годами позднее — в 1646 г. Вскоре после этого Хмельницкий поднимет на «ляхов» Запорожскую сечь.

В дошедшем до нас отрывке «Пролога» показано, что между Чигирином и Сечью существует постоянная связь. Из Сечи возвращаются на правобережную Украину с богатой добычей отважные удалцы (сосед Свырыда). На Сечь бегут угнетенные украинские крестьяне, у которых «нет больше сил терпеть» (Начыпор, Грыцько).

Крупнейшим достоинством «Пролога» является конкретно-историческое отражение в нем настроений украинского народа. Автор «Хмельницкого» показал стремление украинцев к национальному освобождению в сравнительно небольшом по размеру отрывке «Пролога». Он достиг этого новыми, по существу своему *реалистическими* средствами. Конфликт, изображенный в «Прологе», рождается из рядового и будничного столкновения эксплуататоров и эксплуатируемых — отсюда и донос арендатора, и арест Свырыда, и решение возмущенных крестьян бежать в Запорожскую сечь. Еще не умея создавать типические характеры, Рылеев стремился поставить своих героев в обстановку «типических обстоятельств».

Среди образов украинцев центральное место принадлежит Свырыду. Он понимает то, что еще недоступно сознанию его товарищей:

Не смейте! прочь! Он лях; я ваш земляк;
Сегодня свяжете меня, а завтра
Кого-нибудь из вас другие свяжут;
Пора узнать, что лях над казаками
Тиранствует посредством казаков же.

Эти слова Свырыда, обращенные к связывающим его землякам, свидетельствуют о том, что он трезво оценивал политическую обстановку. Герой поэмы Наливайко восклицал: «Мой жребий ненавидеть / Равно тиранов и рабов!..». Естественные в устах Наливайко, слова эти показали бы чересчур приподнятыми, если бы их произнес Свырыд. Рылеев этого и не делает: речь Свырыда свободна от какой-либо романтической аффектации, но в том немногом, что он говорит, раскрывается суровая правда тогдашней украинской действительности.

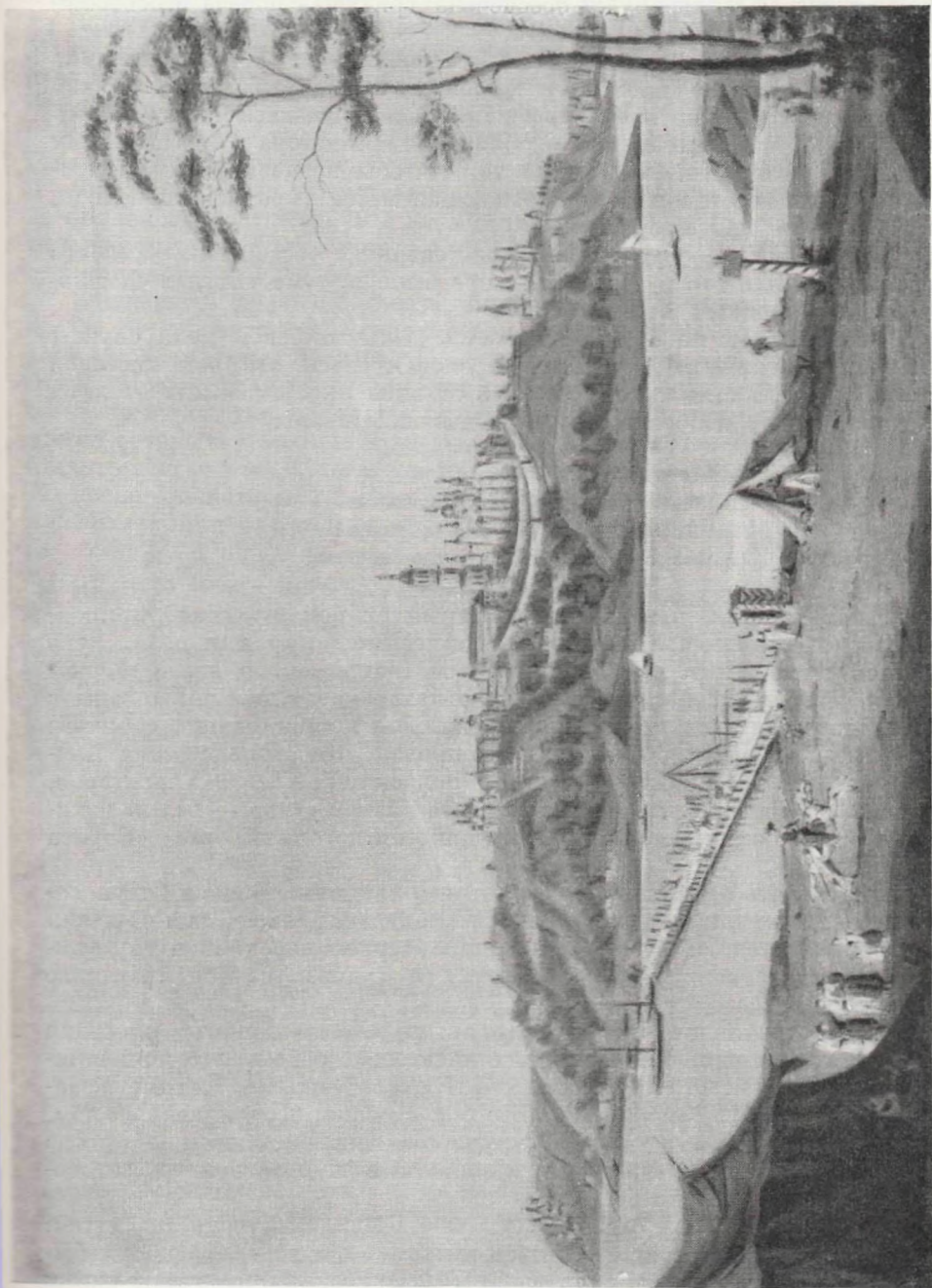
О Свырыде можно поэтому говорить, как об определенном характере, раскрытом пока еще только в политическом плане. Можно предполагать, что в трагедии Свырыду или подобным ему предназначена была важная роль: на таких людей в первую очередь и опирался Богдан Хмельницкий.

В 1822 г. Рылеев еще изображал героя одиночкой, не связанным с народной массой. В думе «Богдан Хмельницкий» страдания украинцев непосредственно изображены не были. Повествование посвящено было изображению страданий и борьбы Хмельницкого. Жена Чаплицкого освободила Богдана, он уже на коне —

И вокруг его, как моря волны,
Рои толпятся казаков...

И вот уже происходят решающие схватки между «обоими народами». Все дело в наличии героя, в его инициативе, — как бы утверждал Рылеев в думе 1822 г.

В трагедии герою еще предстоит появиться. Но уже из «Пролога» видно, что роль его будет совершенно иной. Народная масса бурлит

КИЕВ

Акварель неизвестного художника, 1820-е гг.
Ормижан, Ленинград

и негодует, в ней постепенно зреет воля к борьбе. Примечательно уже то, что Рылеев начал «Хмельницкого» с изображения социального фона: этого вовсе не было в думе. Герой трагедии должен быть кровно связан с народной массой и этим будет обеспечена грядущая победа и освобождение Украины от чужеземного ига.

Все это — лишь предположения, основанные на сравнительно небольшом отрывке из неосуществленной Рылеевым трагедии. Однако мы вправе делать такие предположения, основываясь на учете тенденций его работы. Ведь не ради изобличения арендатора и ему подобных был написан этот «Пролог», а для того, чтобы подчеркнуть, что центральной силой восстания была страдающая масса украинского народа, ее нарастающий протест.

Появление вождя обуславливалось теперь не обстоятельствами его личной жизни (как это в известной мере было в думе «Богдан Хмельницкий»), а народным восстанием.

Этой основной и по существу своему реалистической цели служат все элементы стиля рылеевского «Пролога». Весь отрывок насыщен бытовыми подробностями: идет ли речь от лица украинцев или от лица арендатора, всюду изображается повседневная жизнь:

...ведь твой сосед, Пылып,
Недавно в дом из Сечи воротился!
Я слышал, много он добычи разной
Привез с собой — и в клуне законал.

Замечателен язык «Пролога», свободный от романтической приподнятости, лишенный декламационности рылеевских дум или поэм. Речь украинцев включает в себя диалектизмы (например, в языке Юрко: «Будь ласков...»); польские и турецко-татарские слова вкраплены в текст и способствуют историко-географической конкретизации событий: «...пожитки последние из бедной хаты продал, чтоб только *чинши* Чаплицкому отдать»; «И весь народ стал польским *ясирем*». Характерен, наконец, и совершенно новый для Рылеева размер стиха — белый пятистопный ямб, без рифм, напоминающий пятистопный ямб «Бориса Годунова».

Нельзя считать это сходство результатом влияния «Бориса Годунова» на Рылеева, так как «Пролог» был им написан раньше, чем Пушкин создал свою трагедию. Здесь налицо характерная переключка двух писателей, приблизившихся друг к другу в художественной трактовке исторической темы.

В своем стремлении к реализму автор «Хмельницкого» опередил всех, без исключения, декабристских писателей, работавших над исторической тематикой: Ф. Н. Глинку, В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева-Марлинского, О. М. Сомова и др. Все они в общем ограничивались тем, что создавали образы, служившие «рупором» декабристских идей, тогда как в «Прологе» к «Хмельницкому» впервые в этой литературе заговорила подлинная история.

Новаторство Рылеева станет еще более очевидным, если мы учтем, что трагедия о Хмельницком писалась за восемь лет до «Тараса Бульбы» и в один год с «Борисом Годуновым». Рылееву оказались тесны рамки романтической поэмы; жанр трагедии давал ему, как и Пушкину, несравненно больше возможностей. Разумеется, Рылеев не мог сравниться с Пушкиным, твердой поступью шедшим по сознательно избранному им пути художественного реализма. При всем этом «Пролог» к «Хмельницкому», как и агитационно-сатирические песни, знаменовал собою движение Рылеева к реализму.

Это движение не означало, однако, полного перехода Рылеева к реализму. Свойственное Рылееву романтическое мировоззрение мешало ему понять законы исторического развития, в частности — определяющую роль в нем народной массы. Дворянский революционер двадцатых годов, Рылеев до конца не уяснил себе, что без активного участия народа самодержавно-крепостническое государство не может быть низвергнуто. Как известно, на Сенатской площади лучшие люди из дворян оказались изолированными от народа и тем самым обреченными на поражение.

Романтическое мировоззрение Рылеева не могло не сказаться на его отношении к реалистическому методу в художественной литературе.

Но, указывая на препятствия, мешавшие Рылееву стать убежденным сторонником последнего, мы не можем преуменьшать значения в этом отношении тех усилий, которые он сделал уже в «Прологе» к «Хмельницкому».

Ближайшие друзья Рылеева отдавали себе в этом ясный отчет. Н. А. Бестужев писал в своих позднейших воспоминаниях, что «новые сочинения, начатые Рылеевым, носили на себе печать зрелейшего таланта. Можно было надеяться, что опытность на литературном поприще, очищенные понятия и большая разборчивость подарили бы нас произведениями совершеннейшими. Жалею, что слабая моя память не может представить ясного тому доказательства из начатков Мазепы и Хмельницкого. Из первого некоторые отрывки напечатаны, другой еще был, так сказать, в пеленках, но уже рождение его обещало вгряде возмужалость таланта»¹².

В начале 1954 г. наша страна отметила знаменательную дату — 300-летие Переяславской Рады, на которой было окончательно закреплено воссоединение Украины с Россией. Богдан Хмельницкий был передовым борцом за дело воссоединения двух братских народов.

В связи с этим «Пролог» к трагедии о Богдане Хмельницком Рылеева приобретает особое значение, как еще одно яркое доказательство интереса передовых людей России к истории братского украинского народа, к его выдающимся прогрессивным деятелям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ф. Н. Глинка. Зиновий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия. СПб., 1819; ср. «Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика». М. — Л., 1951, стр. 333—334.

Об интересе передовых русских писателей десятых годов к освободительной борьбе украинского народа свидетельствуют и недавно опубликованные черновые наброски Н. И. Гнедича. В начале предисловия к истории Украины Н. И. Гнедич утверждал идеи исторической закономерности борьбы украинцев за свое национальное освобождение. Он писал: «История Малороссии есть история сей мысли, всеобщей, народной, от гетмана до казака <...> Отторгнутая от России Литвою, похищенная у нее Польшею, угнетенная, терзаемая фанатизмом католицизма и тиранством панов польских, Малороссия в продолжении нескольких веков тщетно вопила о помощи к <...> царям российским, еще слабым, еще страшившимся оскорбить заступлением ее могущество Польши. В таких обстоятельствах рождалась в Малороссии всеобщая мысль о собственном сохранении и с нею всеобщий воинственный дух (И. Н. Медведев в А. Н. И. Гнедич и декабристы. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 120).

² В предисловии к своему роману Ф. Н. Глинка отмечал: «Подлинное имя Хмельницкого есть, кажется, Зиновий, а Богдан, как говорит изустное предание, только почетный придаток к его имени. Народ почитал его данным от бога...». В отдельном издании «Дум» Рылеева эти слова Глинки были повторены почти буквально.

³ Рылеев. Соч., стр. 483. — Материалы о работе над поэмой «Хмельницкий» — см. Рылеев. Стих., стр. 483—484.

⁴ Данные о вхождении «Истории русов» в научный и литературный оборот см. в статье: Ю. Г. Оксман. Пушкин в работе над историей Украины. — «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 211—221.

⁵ Письмо А. Ф. Бриггена к Рылеву хранится в ИРЛИ. Оно не совсем исправно напечатано В. И. Масловым (Прилож., стр. 97—98).

⁶ «История русов или Малой России». Соч. Георгия Конисского. М., 1846, стр. 62.

⁷ См. стр. 216 настоящего тома.

⁸ Правда, уже и Ф. Н. Глинка во время работы над романом о Богдане Хмельницком старался «получить о нем всевозможные сведения во время пребывания в Киеве, Чернигове и на Украине. Я собирал всякого рода предания, входил во все подробности и вслушивался даже в песни народа, которые нередко объясняют разные места истории его» (см. «Киевские университетские известия», 1916, № 2, стр. 53). Весь этот собранный им биографический «устно поэтический материал» Ф. Н. Глинка предназначал для того «очерка жизнеописания» Богдана Хмельницкого, который, «по недосугам и прочим обстоятельствам», так и не был им написан. В романе же этот фактический «материал» остался не исследованным.

⁹ См. стр. 234 настоящего тома.

¹⁰ Все дальнейшие цитаты из этого отрывка приводятся по автографу ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 279, лл. 1—4. Отметим, что начало этой рукописи имеет вид белого автографа; правка текста начинается с конца оборота второго листа, на последних двух листах автографа она весьма обильна.

¹¹ Д. Н. Бантыш-Каменский. История Малой России. Изд. 4. СПб., 1903, стр. 99.

¹² Бестужевы, стр. 27.